

УДК 347.19

DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-150-160

Личный закон и национальность корпорации: понятие и соотношение

Марьяна В. Архипова

*Калининградский филиал Российского университета кооперации
Калининград, Россия, Amon75@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов определения личного закона корпорации. В ней уделяется внимание исследованию понятия «место нахождения юридического лица», содержание которого варьируется в зависимости от целей применения. Отмечается закрепление в российском праве принципа инкорпорации и дуальность его применения.

Также в рамках статьи исследуется применяемая по отношению к правовому положению терминология и делается вывод о наличии определенной специфики ее применения относительно разных правовых отраслей. Делается вывод о юридической самостоятельности понятий национальности и личного закона корпорации, и выделяются критерии их разграничения.

Ключевые слова: корпорация, национальность юридического лица, личный закон, коллизонная привязка, применимое право

Для цитирования: Архипова М.В. Личный закон и национальность корпорации: понятие и соотношение // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 4. С. 150–160. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-150-160

Personal law and the nationality of a corporation. The concept and correlation

Mar'yana V. Arkhipova

*Kaliningrad Branch of the Russian University of Cooperation,
Kaliningrad, Russia Amon75@mail.ru*

Abstract. The article is about studying the definition of the corporation personal law. It pays attention to the concept of “location of a legal entity”, the content of which varies depending on the purposes of application. The consoli-

dation of the principle of incorporation in Russian law and the duality of its application are noted. The article also studies the terminology applied to the legal situation and concludes that there is a certain specificity of its application in relation to different legal branches. The conclusion is made about the legal distinctness in the concepts of the nationality and personal law of the corporation and also the criteria for their differentiation are highlighted.

Keywords: corporation; nationality of a legal entity; personal law; conflict of laws binding; applicable law

For citation: Arkhipova, M.V. (2023), "Personal law and the nationality of a corporation. The concept and correlation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 150–160, DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-150-160

В правовой современности определение дефиниции «личный закон юридического лица» производится на тех критериальных основаниях, которые положены в основу понимания национальности корпораций. При этом ряд государств во внутренних национальных законодательных актах не содержат в себе понятия личного закона корпорации, а используют общую правовую привязку применимого права (к примеру, в Черногории, Албании, Чехии).

В российском праве правовой статус корпорации как юридического лица также определяется на основе применимого права, причем последнее базируется на критериальной основе инкорпорации. Указанный критерий закреплён нормотворцем в ст. 1202 ГК РФ¹.

Дефиниция личного закона корпорации имеет законодательное закрепление в отечественной цивилистике. При этом указанная норма не является новой и свойственной исключительно современному этапу развития гражданского права. Впервые данное понятие было сформулировано в п. 1 ст. 161 Основ гражданского законодательства 1991 г., содержащей в себе условия применения иностранного права касательно определения понятия и объема правоспособности зарубежного юридического лица. Так, в частности, в исследуемой норме было закреплено правило о том, что указанное свойство для иностранных корпораций осуществляется по месту их учреждения.

Данное положение отражено и в судебной практике, которая указывает на необходимость учитывать судом тот фактор, что правовой статус корпорации определяется в соответствии с кол-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

лизионной нормой, ориентированной на определение того объема правоспособности корпорации, который определяется в соответствии с их личным законом.

Правовое содержание данной нормы базируется на общей коллизионной привязке личного закона, который и определяет правовой статус иностранной корпорации. При этом подобное определение связано с правом страны учреждения соответствующей корпорации, т. е. с правовой системой и наделяемой правосубъектностью по законодательству того государства, где данное юридическое лицо зарегистрировано либо имеет основное месторасположение.

Исследуя данный вопрос, считаем целесообразным сместить оптику исследования на содержание понятия «место нахождения юридического лица», которое имеет вариативный характер в зависимости от целей применения указанного термина. Указанная правовая конструкция имеет различное содержание в зависимости от целеполагания, что обуславливается наличием или отсутствием иностранного элемента в указанных вопросах. Соответственно, правовой смысл дефиниции изменяется в зависимости от того, связано ли его применение с решением межнациональных вопросов или ориентирован исключительно на внутригосударственные правоотношения.

Обусловлена некоторая правовая дихотомия данного понятия тем, что в межгосударственных отношениях указанная дефиниция используется в определенных целях, как то: выбор юрисдикции, установление правовой связи с определенным сюзереном, а следовательно, распространение подобных целей на внутригосударственные отношения представляется нецелесообразным.

На данную проблематику обращают внимание и ученые, указывая на возможное смешение употребления термина «место нахождения» в контексте его использования для определения статуса корпорации в разных правовых порядках со ссылкой на те правовые нормы, которые ориентированы на применение в рамках внутригосударственных правоотношений. Ученый отмечал, что юридически неверно применение тех правовых норм, которые направлены на решение исключительно внутренних вопросов, к правоотношениям, носящим коллизионный характер [Ануфриева 2002].

В действующем российском праве закреплен принцип инкорпорации, являющийся коллизионным принципом и означающим определение статуса корпорации сквозь призму привязки к месту учреждения юридического лица. При этом применение указанного принципа дуально: с одной стороны, его закрепление и применение является реализацией принципа автономии воли сторон, т. е. возможностью выбора сторонами того или иного правового режима

в учредительских целях; с другой стороны, его применение также реализует принцип равенства национального права различных государств [Акимов 2015].

Г.К. Дмитриева полагает, что содержанием данного принципиального положения выступает уважение государственного права на реализацию собственной правовой системы и соответствующего усечения прав других государств в части ее препятствия осуществлению ее деятельности [Дмитриева 2017].

Следовательно, применение права соответствующего государства ее уполномоченным органом, наделившего корпорацию определенным объемом правосубъектности, следует рассматривать в качестве реализации принципа экстерриториального действия норм частного права. В теории права подобное положение получило название права следования частных правовых норм законодательства места учреждения за корпорацией, вне зависимости от того, где она осуществляет собственную деятельность.

В отношении национальности юридического лица некоторые авторы придерживаются позиции определения ее правом страны, где юридическое лицо учреждено в соответствии со ст. 1202 ГК. Однако хотелось бы отметить следующее: терминология правового положения корпорации, являющейся транснациональной, включает в себя разные дефиниции – так, в различных актах используются термины «национальность», «личный статут» и иные. Проведение анализа указанных дефиниций позволяет выявить их специфику и особенности применения в различных правовых отраслях – гражданском, частном и публичном.

Терминологическое единообразие является важнейшей частью юридической техники и имеет существенное значение в качестве правоприменительной практики, так как недочеты в содержании тех или иных терминов ведут к отсутствию единообразного подхода в их практическом применении и доктринальном толковании [Дмитриева 2016].

Необходимо отметить, что трансграничное частное право определяет право, которое подлежит применению именно на основании личного закона корпорации. Между тем действие данного принципа распространяется исключительно на ту сферу, которая охватывается личным законом. В отношении же вопросов, которые выходят за пределы действия личного закона корпорации, действуют иные правовые конструкции, в том числе такие, как domicilio, резидентство и т. п.

Правовая позиция о разделении указанных конструкций обосновывается акцентированием внимания на практикоориентированной сегрегации данных понятий и на основе мнения о том,

что критериальное разграничение внутригосударственных и иностранных корпораций может быть различным. В частности, можно указать, что в правовом поле возможна триада регулирования, в частности, корпорация может иметь личный закон одной страны (в случае учреждения ее в конкретном государстве), выступая одновременно в другой стране налоговым резидентом (при ведении на территории отдельного сюзерена экономической деятельности), а также пользоваться договорами, закрепленными в международном соглашении при условии наличия в составе корпорации участниками – патрида третьей страны.

Данной правовой позиции придерживается и И.В. Гетман-Павлова, разграничивая данные понятия по относимости к нормам права и указывая на то, что личный закон является категорией коллизионного права, а корпоративная национальность выступает в качестве категории материального права, которая отражает связь корпорации и конкретного государства [Гетьман-Павлова 2023]. Между тем необходимо отметить, что в правовой доктрине зачастую указанные понятия смешиваются, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Категории национальности и личного закона корпорации не являются тождественными, и поэтому необходимо их четкое разграничение в части области применения.

Сфера применения личного закона корпорации сформулирована в коллизионном законодательстве. В России она определена п. 2 ст. 1202 ГК РФ², в иных странах также действуют отдельные правовые нормы, регламентирующие внутренние правоотношения в части вопросов определения основания выбора применимого к конкретному корпоративному отношению права.

Целью введения данных норм является возможность выбора права, применяемого к конкретному правоотношению с участием корпорации и отягощенному иностранным элементом. То есть подобные нормы имеют своей целью разрешение коллизий, возникающих в случае возможности применения права различных государств в частноправовых отношениях. Таким образом, применимое право направлено на реализацию коллизионного способа регламентации, который в рамках действия международ-

² Пункт 23 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц также содержит указание на цель личного закона юридического лица (см.: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158): «При установлении юридического статуса, процессуальной правоспособности и дееспособности иностранного лица, участвующего в деле, арбитражные суды применяют нормы о его личном законе».

ных частных норм является превалирующим. Следует отметить, что коллизионный способ используется именно в частноправовых отношениях, обремененных иностранным элементом, а кроме того, он имеет казуальный характер, то есть выбор конкретного права осуществляется в каждом конкретном казуальном случае.

При этом материально-правовое регулирование деятельности корпораций, так называемые нормы прямого действия (без отсылки к правоустановлениям конкретного государства), имеют существенное отличие от коллизионных норм по характеру собственной правовой природы, определенной специфике архитектоники и особенностям применения. Коллизионные нормы устанавливают отсылку к тем материальным нормам, которые могут применяться к деятельности корпораций.

Соответственно, функционирование корпорации на территории конкретного государства опосредовано теми правовыми нормами, которые могут быть определены исходя из его личного закона, а также на основании установления права того места, где корпорация функционирует. Указанные нормы включают в себя существование определенных условий, при наличии которых возможно осуществление деятельности иностранной корпорацией на территории определенного государства. Именно коллизионными нормами определяется правоспособность как таковая и объем правомочий корпорации, а также решаются иные вопросы, относящиеся к сфере деятельности корпорации. Материальные нормы, в свою очередь, устанавливают правовую возможность совершения тех или иных действий, их легальность и правовые последствия. Материальные нормы основаны на внутригосударственном праве, а коллизионные нормы устанавливают возможность их соответствующего применения.

При этом в правовой доктрине выражена позиция о первичности правосубъектности, которая может быть определена исключительно на основании личного закона корпорации, однако указывается на то, что «фактическая» правосубъектность может быть сформирована исключительно на основании внутреннего законодательства того государства, на территории которого корпорация осуществляет свою деятельность, так как именно внутренние законы созидателя определяют возможность совершения тех или иных правовых действий, а также устанавливают содержание различных правовых конструкций (включая, например, допуск к хозяйственной деятельности и установление различных режимов деятельности).

Полагаем, что национальность корпорации по своей правовой сущности позволяет идентифицировать нормы публичного характера, закрепленные нормотворцем в соответствующем внутреннем законодательстве, в том числе и транснациональные, которые со-

держательно могут применяться к правоотношениям с участием такой корпорации.

При этом следует иметь в виду, что сам по себе выбор применимого права не опосредует правовую связь с конкретным государством, которая имеет превалярующее значение для публично-правовых отношений. Данный выбор исключительно определяет то право, которое применяется к определенным вопросам, связанным с деятельностью корпорации и относящихся к сфере личного закона. При этом данное право, как уже было указано, имеет казуальный характер, и его применение подлежит определению в каждом конкретном случае. Все вышеуказанные вопросы опосредованы понятием правосубъектности и относятся к частноправовой сфере. Анализ положений, закрепленных в п. 3 ст. 2 ГК РФ³, позволяет резюмировать, что отношения властеподчинения (административного подчинения или иного публичного подчинения) не являются предметом коллизионного регулирования и находятся вне определения сферы определяемого права. Соответственно, вопросы публичного права не охватываются сферой действий личного закона корпорации. В частности, невозможно определить на основании действия личного закона корпорации предоставление дипломатической защиты. ГК РФ не регламентирует указанный вопрос; не регламентируют его и внутригосударственные источники других государств. Следовательно, в правовых системах содержится четкая сегрегация частноправовых и публичных правоотношений. Смещение данных способов регулирования, исходя из их различной правовой природы, будет являться необоснованным, и именно поэтому в правовой доктрине и юридической практике проведена демаркационная линия между ними.

А.Е. Аристова полагает, что если имеет место транснациональная корпоративная группа, то каждая корпорация в ее составе имеет определенный личный закон, а также национальность, определяемые на основании какого-либо критерия внутригосударственного коллизионного законодательства отдельного государства [Аристова 2014]. Между тем указанное мнение подвергается юридической критике исходя из следующих обстоятельств. Во-первых, личный закон корпорации по своей правовой природе является привязкой, используемой в коллизионном частноправовом регулировании, и он исключительно определяет выбор подлежащего применению в той или иной ситуации права. При этом данные права касаются правового статуса корпораций, сфера которых регламентирована

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

п. 2 ст. 1202 ГК. В указанной норме отсутствует дефиниция национальности. Необходимо отметить, что сами по себе коллизионные нормы не могут использоваться в части определения патридности корпорации, они указывают на право, согласно которому данный вопрос может быть разрешен. В этой связи следует считать необоснованным определение национальности корпорации сквозь призму коллизионной регламентации. Конечно, нормы публичного и частного права не могут действовать изолированно друг от друга, и зачастую они взаимосвязаны и взаимообусловлены (например, в таких сферах, как инвестиционная), однако их дефинициальное диффундирование в отношении понятий «личный закон» и «национальность» представляется нецелесообразным.

Е.Б. Дьяченко высказывала позицию, согласно которой дефиниция «личный закон» направлена на определение права, подлежащего применению в части отдельных частных вопросов (создание, ликвидация, объем правосубъектности корпорации). При этом автор предлагала классифицировать данную дефиницию на категории «личный статус», которым определяется коннект корпорации и входящих в саму корпорацию физических лиц, а также выделяла категорию «национальность», включающую в себя связь определенной корпорации и государства ее учреждения [Дьяченко 2012].

В логике построения данной позиции можно резюмировать включение национальности в сферу действия личного закона корпорации. Следовательно, как и в предыдущей правовой позиции, ученый предполагает, что коллизионное регулирование определяет саму национальность корпорации. Полагаем, что данное положение неверно с позиции выделения частного и публичного права. Придание правового статуса корпорации происходит на основании материально-правовых норм, содержащихся в соответствующем законодательстве различного уровня, которое не связано с вопросами выбора права как такового.

Следовательно, сфера действия личного закона не включает в себя определение корпоративной национальности. При этом следует уточнить, что несмотря на то, что критерий определения применимого права в отношении корпорации и критерий определения ее национальности идентичны, они имеют отсылки к различным правовым конструкциям. Так, при определении национальности корпорации критерий отсылает к праву конкретного государства, а коллизионный критерий определяет право, которое подлежит применению в отношении конкретного казуса. Например, при регистрации корпорации на территории России и отсылке соответствующей коллизионной нормы к регистрационному критерию применению будет подлежать право РФ на основании принципа

lex societatis. В ситуации использования в коллизионном законодательстве критерия инкорпорации, определяющего, к примеру, право России, корпорация будет считаться национальной. При этом дуальное критериальное применение в отношении правового статуса корпораций на основании личного закона с одной стороны, а с другой – определение резидентского статуса – установление связи лица с конкретным государством, можно проследить в законодательстве целого ряда стран.

При этом следует иметь в виду, что само по себе использование нормотворцем различных критериев признания национальности не отсылает к коллизионным нормам, то есть в данной ситуации не определяется применимое право, а используются способы регулирования, установленные материально-правовыми нормами.

Таким образом, правовой анализ корпорации как транснационального субъекта показывает, что в данном контексте к нему применимо использование дефиниций «личный закон» и «национальность», однако в разных контекстных связях. Личный закон определяет вопросы, относящиеся к частноправовой сфере, которые разрешаются по определяемому коллизионной привязкой праву. Национальность, в свою очередь, является сигнификатом связи корпорации и конкретного государства, порождающим определенные последствия правового характера, и распространяет на данную корпорацию внутригосударственные нормы.

Корпоративная национальность определяется волей конкретного государства в заключенных транснациональных и конвенционных документах, а также имплементирована в национальное законодательство. Кроме того, государства реализуют право установления частных внутренних критериев для определения корпорации в качестве национальной. Личный закон корпорации, в свою очередь, определяет то право, которое подлежит применению для разрешения конкретного казуса в определенной сфере на основании критериально установленного основания в соответствующей коллизионной привязке.

Можно сделать вывод о том, что понятия национальности и личного закона корпорации обладают юридической самостоятельностью, и их отождествление является юридически неверным, так как приводит к юридической диффузии. Личный закон корпорации охватывает частноправовую сферу коллизионного регулирования, не включая иные (публичные) области правового регулирования, которые, в свою очередь, включены в содержание понятия национальности корпорации. Сфера применения личного закона корпорации охватывает вопросы частноправового характера, касающиеся объема правомочий корпорации, ее правосубъектности в транснациональ-

ной сфере. При этом вопросы, связанные с правосубъектностью в области публичных правоотношений, разрешаются на основании определения корпоративной национальности.

Литература

- Акимова 2015 – *Акимова Ю.М.* Принципы международного частного права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 30 с.
- Ануфриева 2002 – *Ануфриева Л.П.* Международное частное право. Т. 2: Особенная часть. М.: Бек, 2002. 656 с.
- Аристова 2014 – *Аристова Е.А.* Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М.: Инфотропик, 2014. 248 с.
- Гетьман-Павлова 2023 – *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право. М.: Юрайт, 2023. 489 с.
- Дмитриева 2016 – Унификация и гармонизация в международном частном праве: вопросы теории и практики / Отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. М.: ИНФРА-М, 2016. 207 с.
- Дмитриева 2017 – Международное частное право / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2017. 680 с.
- Дьяченко 2012 – *Дьяченко Е.Б.* Способы установления статуса юридического лица в международном частном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.

References

- Akimova, Yu.M. (2015), Principles of private international law, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Anufriyeva, L.P. (2002), *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. T. 2: Osobennaya chast'* [International private law, vol. 2. Special part], Bek, Moscow, Russia.
- Aristova, E.A. (2014), *Otvetstvennost' transgranichnykh korporativnykh grupp: teoriya i praktika* [Liability of cross-border corporate groups. Theory and practice], Infotropik, Moscow, Russia.
- Get'man-Pavlova, I.V. (2023), *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law], Yurait, Moscow, Russia.
- Dmitrieva, G.K. and Majorina, M.V. (eds.) (2016), *Unifikatsiya i garmonizatsiya v mezhdunarodnom chastnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Unification and harmonization in private international law. Issues of theory and practice], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Dmitrieva, G.K. (2017) (ed.), *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law], Prospekt, Moscow, Russia.
- D'yachenko, E.B. (2012), *Methods for establishing the status of a legal entity in private international law*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марьяна В. Архипова, канд. юрид. наук, доцент, Калининградский филиал Российского университета кооперации, Калининград, Россия; 236022, Россия, Калининград, ул. К. Маркса, д. 17; Amon75@mail.ru

Information about the author

Mar'yana V. Arkhipova, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Kaliningrad Branch of the Russian University of Cooperation, Kaliningrad, Russia; bld. 17, K. Marx Street; Kaliningrad, Russia, 236022; Amon75@mail.ru